

КАМАЛ РАВИКАНТ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРА AMAZON

ВЕ РЬ *

* в любовь, прощение
и следуй зову
своего сердца

ОТ АВТОРА
«**ЛЮБИ
СЕБЯ**»

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Книги, которые нужно прочитать до 35 лет

Камал Равикант

**Верь. В любовь, прощение
и следуй зову своего сердца**

«ЭКСМО»

2017

УДК 159.92
ББК 88.52

Равикант К.

Верь. В любовь, прощение и следуй зову своего сердца /
К. Равикант — «Эксмо», 2017 — (Книги, которые нужно
прочитать до 35 лет)

ISBN 978-5-04-195126-9

После смерти отца Амит переносит прах своего родителя в священные воды Ганга, чтобы совершить древний ритуал. Потеряв веру в будущее, он решает не возвращаться домой, а отправляется в 37-дневное блуждание в поисках настоящего себя. Внезапное путешествие ведет его к таинственному Камино де Сантьяго – древнему паломническому маршруту через северную Испанию. Почти сломленный, потерявший ориентиры и бегущий от воспоминаний, Амит встречает по пути людей, каждый из которых несет свою боль. Именно они открывают главному герою новые горизонты и помогают услышать зов своего сердца. Будьте готовы к бесценному и лирическому паломничеству внутри себя в этой красивой истории, которая подобно ветру нежно прикоснется к вашей душе. Основана на прохождении автором легендарному пути Сантьяго и рассказана в лучших традициях Пауло Коэльо и Митча Элбома.

УДК 159.92

ББК 88.52

ISBN 978-5-04-195126-9

© Равикант К., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

Примечание автора	9
Пролог	10
Монастырь	14
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Камал Равикант
Верь. В любовь, прощение
и следуй зову своего сердца

*Моей матери. Триш. Робин. Шерил. Кристин.
Всем этим удивительным женщинам*

Kamal Ravikant

Rebirth: A Fable of Love, Forgiveness, and Following Your Heart

Copyright © 2017 by Kamal Ravikant

Originally published as a hardcover and ebook in 2017 by Hachette Books, Inc.

This edition published by arrangement with Hachette Books, a division of Hachette Book Group, Inc.

USA via Igor Korzhenevskiy of Alexander Korzhenevski Agency (Russia)

All rights reserved

* в любовь, прощение и следуй зову своего сердца

© Снитич О., перевод на русский язык, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Больше отзывов на книгу «ВЕРЬ»

«Если в вашей жизни наблюдается нехватка приключений, дебютный роман моего друга Камала Равиканта – лучшее лекарство для вас. Он вдохновил меня продолжать писать».

– Тим Феррис, журнал *Men's Health*

«Произведение, которое заставляет глубоко задуматься... Равикант вносит долгожданный вклад в богатую традицию книг о просветлении».

– журнал *Booklist*

«“Верь” ничуть не хуже всего того, что написал Кормак Маккарти... В этом романе есть искусство, которое нечасто встретишь».

– Гленн Бек

«Мощное произведение с глубоким подтекстом. Я сравниваю его с творчеством Ога Мандино и Пауло Коэльо. “Верь” – действительно одна из самых сильных книг, которые я когда-либо имел честь читать».

– Боб Бург, соавтор бестселлера *«Go-Giver. Отдавай, чтобы получать»*

«Роман “Верь” перенес меня в приключение, которое, надеюсь, навсегда останется со мной».

– Джеймс Альтушер, автор бестселлеров *«Выбери себя!»* и *«Изобрети себя заново»*

«В этой книге есть направление. Если ты в пути – ты паломник. Это прекрасная книга для всех, кто когда-либо совершал или когда-либо совершит путешествие – внутрь себя или вовне».

– Райан Холидей, автор книги *«Препятствие как путь»*

«“Верь” напоминает мне, что иногда нам нужно потерять самих себя, чтобы найти свой путь. Это, несомненно, литературная классика и замечательная история, из которой мы все можем извлечь уроки».

– Брэндон Уэбб, бывший главный инструктор-снайпер «морских котиков» ВМС США и автор бестселлера по версии *New York Times* *«Красный круг»*

«Скажи “да” жизни! Это послание я уношу с собой, переворачивая последнюю страницу “Верь” Камала Равиканта – истории о волшебстве, которое происходит во время паломничества по Камино де Сантьяго. Вдумчивая, искренняя и прекрасно написанная книга “Верь” рассказывает о поиске человеком смысла и цели. Борьба с болью своего прошлого, столкновение с его нежеланием прощать и поиск ответов на самые важные жизненные вопросы – вот этот классический путь героя – тот, который мы все совершаем, когда готовы к жизни, обращенной к душе... “Верь” не разочаровывает».

– Шерил Ричардсон, автор бестселлеров № 1 по версии *New York Times* *«Найдите время для жизни»* и *«Искусство быть эгоистом: полюбить себя и начать жить полной жизнью»*

«По-настоящему прекрасная книга».

– Мэтт Мулленберг, основатель *WordPress*

Другие книги Камала Равиканта

Люби себя. Словно от этого зависит твоя жизнь

Live Your Truth

Это художественное произведение. Имена, персонажи, места и происшествя либо являются плодом воображения автора, либо используются в вымышленном ключе. Любое сходство

с реальными событиями, местами или людьми, ныне живущими или умершими, является случайным.

Примечание автора

Несмотря на то, что “*Верь*” является художественным вымыслом, он основан на моем личном опыте прохождения Камино де Сантьяго¹. Камино неподвластен времени. Независимо от того, в каком веке идти по нему, основной опыт остается неизменным. Поэтому я свел к минимуму любые упоминания о современных технологиях.

Я желаю вам всего того волшебства, которое подарило мне это путешествие.

– Камал

Секрет полета

Не хлопай так сильно крыльями.

Это только изматывает тебя.

Закрой глаза. Обопрись на течения воздуха, скажи *да*.

Позволь ветру поднимать тебя все выше и выше.

Это так просто. Так делают орлы.

О, это еще и секрет жизни.

---

¹ Путь святого апостола Иакова (прим. ред.).

Пролог

На берегах Ганга я совершаю ритуал, столь же древний, как эта земля, и столь же чуждый мне, как текущая мимо река. Священнослужитель протягивает мне урну, затем складывает ладони вместе. Я открываю ее. Внутри – зернистая пыль, напоминающая истолченный древесный уголь. Вытянув руку, я переворачиваю урну и опорожняю ее. Пепел моего отца кружится в воздухе и мягко опускается в воду. Река принимает его с уверенностью старого возлюбленного, который терпеливо ждет.

Надо мной нависает одинокое дерево с толстыми, покрытыми листвой ветвями. После того как священнослужитель уходит, я сажусь и прижимаюсь спиной к стволу. Ветви слегка покачиваются, вечер становится прохладнее, багрянец на небе темнеет, а река течет все ближе. Вода плещется у самых моих ног. Где-то на другом берегу звонит колокол.

Позади меня ступени ведут в храм с куполообразной крышей. У его подножия дети продают гирлянды, сплетенные из оранжевых ноготков. Мимо проходят мужчины в белых дхоти, громко разговаривая и смеясь. Луна, которая сейчас стоит высоко в небе, кажется размером с мелкую монету.

У меня затекла шея. Я не ел весь день, но голода не чувствую. В глубине моих глаз пульсирует ноющая боль.

Я иду к взятому напрокат автомобилю. Водитель, ожидающий меня на ступеньках, бросает горящую сигарету в реку и идет рядом. Мимо пробегает обезьяна и запрыгивает на кирпичную стену, окружающую храм. Она громко визжит, когда дети окружают меня. Они лезут ко мне в карманы, хватают за руки, дергают за рукава. В толпе есть и пожилые женщины, протягивающие сложенные чашечкой ладони.

«Здесь так принято, – говорит мне водитель. – Вы должны раздать деньги старым и бедным».

Я едва слышу его из-за ора детей. Их руки касаются моих ладоней и выхватывают рупии и пайсы. Я иду быстрее, но они держатся за меня, цепляются за ноги, за пояс.

«Нет, – говорит водитель, отталкивая детей. – Старухи – подавайте им».

Слева от меня, у подножия храма, в ряд сидят пожилые женщины. Двигаясь вдоль ряда, я бросаю деньги в пустые миски перед ними. У одной женщины нет ноги. Ее культя торчит из-под сари. Другая – слепая – протягивает свою миску, когда слышит, что я приближаюсь. Она смотрит прямо перед собой, и я вижу радужки глаз молочного цвета. Когда монеты падают в ее миску, она потряхивает ею, заставляя их звенеть. Женщина рядом с ней тянет ко мне свою миску. Мои карманы пусты.

«Мне жаль», – говорю я, но мы разговариваем на разных языках.

Она наклоняет голову и открывает рот. Ее лицо изборождено морщинами, а руки иссохли. Она встряхивает миску.

«Мне очень жаль».

Она опускает миску и смотрит вниз. Дети хватаются за мои карманы. Водитель отгоняет их прочь.

Сидя в гостиничном номере – вдали от толп и погребальных костров, – я разворачиваю карту Индии и обвожу контуры пальцем. Пустыни, реки, долины, озера, горы. Я тру глаза тыльной стороной ладони, пока карта не начинает расплываться.

О его диагнозе мне рассказала моя тетя. Я уставился на черно-белую плитку на кухонном полу, держа в одной руке недоеденный бутерброд с тунцом, говорил «угу» в трубку, слушал ее речь и все это время с трудом сглатывал, чтобы воспоминания не подступили к горлу. «Он твой отец, – сказала она. – То, что было раньше, не имеет значения. Ты должен позаботиться о нем».

Сквозь закрытые ставнями окна доносятся гудки авторикш и легковых автомобилей. Я моргаю и снова фокусирую взгляд на карте. Цвета разделяются. Линии замыкаются и образуют границы, дороги, реки. Я выполнил то, ради чего приехал сюда. Что дальше? Я не готов вернуться домой. Приезд в эту страну, где родился мой отец, глубоко потряс меня.

Воздух влажный и пахнет *раат ки рани*² – маленьким белым цветком под названием «королева ночи». Под потолком скрипит вентилятор. Я вспоминаю Джорджа Мэллори – любимого героя моего детства. Когда его спросили, почему он хочет покорить Эверест, он ответил: «Потому что он есть». Это был самый правдивый ответ, который когда-либо встречал в книгах десятилетний мальчик. То же самое справедливо и в двадцать семь лет. Возможно, даже когда я буду старше.

Что делать дальше? Продолжать двигаться. Оставить позади прошлое, страхи, вину и раствориться в новом. Когда есть движение, есть и действие. А если действовать, то, возможно, найдутся ответы.

Следующие два месяца я скитаюсь по северу. В купе поезда – с семьями, которые едят из круглых жестяных банок, а воздух наполняется запахом *паратхи*³, они жестикулируют и приглашают меня разделить с ними еду. По улицам – мимо волов с понурым взглядом, верблюдов, тянущих деревянные повозки, и женщин в ярких сари, с венками из белых цветов в волосах, на мотоциклах. В старых автобусах, которые еле тащатся вверх по извилистым дорогам, а в это время водители тянутся, чтобы стереть влажную пелену с ветрового стекла голыми руками.

Я оказываюсь в Дхарамсале – маленьком, покрытом облаками городке в предгорье Гималаев. Здесь находится монастырь Далай-ламы. Каждое утро я выхожу из своего гостевого дома, чтобы посидеть в главном святилище и послушать гортанные песнопения монахов в оранжевых одеждах, пока у меня не затекают ноги.

Однажды на рассвете я выхожу на улицу, чтобы передохнуть и размяться. Старый монах вращает молитвенные барабаны, встроенные в стены. Ему требуется много времени, чтобы раскрутить их все. Он повторяет этот процесс несколько раз.

Что это значит – стать монахом, отказаться от жизни, любви и семьи, сосредоточиться только на своем внутреннем «я»? В следующий раз, когда он приближается ко мне, я кланяюсь. Он кланяется в ответ и поднимает руку в благословении. Другой рукой он держит нить крупных деревянных бус.

«У меня есть вопрос».

«Хорошо», – говорит он шепотом.

«Как вы находите покой?»

На мгновение он становится серьезным, затем улыбается самой широкой и теплой улыбкой. Позади него, далеко-далеко, виднеются остроконечные горы. Я чувствую, должно быть, то же, что и они, когда солнечный свет окутывает их после холодной зимней ночи.

«Все просто, – медленно отвечает он. – Простой вопрос».

Я усмехаюсь. «Только не для меня».

«Откуда ты?»

«Из Америки».

Он задумчиво кивает головой, как будто это все объясняет.

«Я говорю “да”, – говорит он. – Все, что происходит, я говорю “да”».

Он кланяется и возвращается к своим молитвенным барабанам. Снежные шлейфы лениво скользят по горным вершинам, восходящее солнце окрашивает их в золотисто-желтый цвет.

---

² Раат ки рани – цеструм – род вечнозеленых кустарников и небольших деревьев семейства пасленовых (прим. пер.).

³ Паратхи – традиционный индийский плоский хлеб (прим. пер.).

Вернувшись в гостевой дом, я рассказываю итальянскому туристу о своих странствиях за последние несколько месяцев. В отличие от других заезжих бродяг, я не присоединялся ни к каким ашрамам и не участвовал в рейв-вечеринках на Гоа. Даже не посетил ни одного занятия йогой. Черт возьми, я бы не смог медитировать, даже если бы от этого зависела моя жизнь. Я впервые оказался за границей, на моем счете меньше пяти тысяч долларов, и я лишился работы. И все же я не могу остановиться.

«Понимаю», – говорит он.

Он только что окончил колледж, но уже побывал более чем в дюжине стран. Он рассказывает мне о местах, которые хочет посетить, но его мечта – совершить паломничество в Испанию под названием «Камино де Сантьяго». В свое время его дед и отец совершили его, и однажды, прежде чем он женится, он сам вместе со своей будущей невестой пройдет этим путем.

«Каждый находит себя на Камино, – говорит он. – Каждый».

Почти полная противоположность итогу моих скитаний до сих пор.

«Сколько это займет времени?» – спрашиваю я.

«Где-то неделю», – говорит он. Звучит довольно легко.

Я направляюсь на юг и думаю об этом все больше и больше. Испания. Земля Дон Кихота. Вина. Паэлья и фламенко. Все совсем по-другому, чем здесь. Возможно, так даже будет лучше, поскольку это не имеет никакого отношения к моей истории, ничто не пробудит воспоминаний. К тому времени, когда я добираться до дома своей тети в Нью-Дели, Испания все больше занимает мои мысли.

На дворе апрель, а жара уже невыносимая. Я провожу дни в саду, изучая коллекцию учебников по антропологии, собранную мужем тетки. Я занимаюсь только этим, ну и еще изо всех сил избегаю ее вопросов. Я провожу ночи, слушая, как сторож ходит по улицам, дует в свисток, стучит бамбуковой тростью по земле. Настало время спустить курок.

«Что ты собираешься делать?» – спрашивает меня тетя однажды утром за завтраком.

Когда-то я знал ее только по фотографиям и телефонным разговорам. Теперь я живу у нее дома, ем *чапати*⁴ и *дхал*⁵.

Затем, обращаясь к своему мужу, она повторяет ежедневно, как мантру:

«Самолет мальчика улетел, пока он скитался по окрестностям».

Она протягивает руку, ерошит мои волосы. Они отросли, мне пора вернуться к короткому ежику. Я скупаю по ощущению свежей стрижки.

«Когда ты собираешься жениться, *бета*⁶?»

Если вы одиноки, вам под тридцать и вы посещаете Индию, вам будут задавать этот вопрос все, кого вы встретите. А если эти люди – ваши родственники, это никогда не закончится.

«Ты не должен жить один, – говорит она. – Тебе нужна женщина, которая заботилась бы о тебе».

«У меня все нормально. Я могу позаботиться о себе».

«Это просто этап жизни, *бета*, ты перерастешь его».

Ее муж отрывает глаза от своей газеты. «Я помещу для тебя брачное объявление в газете».

«Брачное объявление?»

«Вот увидишь, такого славного мальчика, американца, просто завалят предложениями».

Это означает, что люди увидят во мне ходячую говорящую грин-карту.

«И к тому же врача», – говорит он.

---

⁴ Чапати – хлеб из пшеничной муки, наподобие тонкого лаваша (прим. пер.).

⁵ Дхал – традиционный вегетарианский пряный суп-пюре из разваренных бобовых (прим. пер.).

⁶ Бета – *инд.* – сынок (прим. пер.).

«Я не врач. Я просто подумываю пойти учиться в медицинскую школу».
«Не о чем беспокоиться, – кивает он. – Врач – звучит хорошо».
Теперь я – грин-карта со знаком доллара на ней.
«Что это будет за свадьба, – тетя потирает руки, звеня браслетами. – Мы купим красивые сари для твоей жены, мы будем танцевать в твоём *бхарате*⁷».
«Я еду домой», – говорю я.
Тишина.
«С остановкой в Европе», – добавляю я.
«*Яар*⁸, Амит, к чему такая спешка? Просто подожди и посмотри, какие предложения ты получишь».
«Я собираюсь совершить паломничество в Испании».
Длинная пауза. Муж кашляет.
«Паломничество?»
«Тебе следует остаться в Индии, – говорит тетя. – У нас больше маршрутов для паломничества, чем людей».
«Я уже купил билет».
Она машет своему мужу. «Вразуми мальчика».
Он прочищает горло, перелистывает страницу.
«А что твоя мать об этом думает?»
«Волнуется, как всегда. Я полечу домой через неделю».
Тетя качает головой.
«Если и дальше так пойдет, кто знает, что может случиться?»

---

⁷ Бхарат натья – один из основных стилей классического индийского танца (прим. пер.).

⁸ Яар – эй! (прим. пер.).

Монастырь

Автобус до монастыря отправляется во второй половине дня. Я сижу возле задней двери и смотрю в окно, как дорога петляет среди холмов, поросших буковыми лесами. Школьники выходят на каждой остановке и бегут к домам с белыми стенами, покатыми крышами из красной черепицы и черными балконами из кованого железа, заставленными цветочными горшками. Вскоре деревни редеют, и автобус почти пустеет.

Я пытаюсь делать заметки в своем дневнике, но не могу сосредоточиться. Я достаю карту, раскладываю ее у себя на коленях и ручкой рисую на ней маршрут паломничества. Линия начинается в Ронсесвальесе – в монастыре, который находится недалеко от франко-испанской границы, тянущейся вдоль Пиренеев. Затем она стремится на запад по открытой местности, усеянной маленькими городками, а иногда проходит и через города с такими названиями, как Памплона, Эстелья, Логроньо, Бургос, Леон и, наконец, Сантьяго-де-Компостела. Длина маршрута составляет около 780 километров. Больше пятисот миль. Гораздо длиннее, чем предполагал мой итальянский друг.

Уж не спятил ли я? Я пытаюсь вспомнить последние три месяца, но образы расплываются: горы, реки, пепел. Я не уверен, что во всем этом вообще был хоть какой-то смысл. Сейчас передо мной лежит паломнический маршрут одиннадцатого века по Испании.

«Паломничество?» – бормочу я, качая головой. Мне почти хочется рассмеяться.

В основе маршрута лежит история святого Иакова – одного из апостолов Христа, который известен в Испании как Сантьяго и который был обезглавлен царем Иродом и похоронен своими учениками на северо-западе Испании. Могила была забыта на века, пока пастух-отшельник не последовал за звездой на ночном небе и не обнаружил ее. Это место стало известно как Компостела – «поле звезды».

Автобус подскакивает на ухабе, и меня бросает к окну. Солнце скрыто холмами, и за первой полосой деревьев в лесу темно. Дорога идет в гору. Ветерок, со свистом врывающийся в противоположное окно, становится прохладнее.

Когда мавры захватили Испанию, христианам понадобился некий персонаж, вокруг которого можно было сплотиться. Отовсюду приходили вести, что по всей Испании Сантьяго появляется на белом коне и убивает захватчиков. Легенда росла и крепла. Над его могилой воздвигли собор, и паломники стали стекаться в него со всей Европы. Путешествие называлось Эль Камино де Сантьяго – дорога к Сантьяго.

На протяжении почти тысячи лет паломники шли к собору пешком. Но это было столетия назад. Насколько я знаю, традиция угасла и я могу оказаться одним из немногих на этом давно забытом пути.

«*Pardon*»⁹, – произносит мужской голос с сильным французским акцентом.

За окном я вижу белые стволы деревьев, их подножья скрыты папоротниками, а ветви образуют арку над автобусом.

Тот же голос. «Ты паломник?»

Этот вопрос привлекает мое внимание. Человек сидит на длинном заднем сиденье. Лет пятидесяти, худощавый и красивый, с седеющими волосами, темными густыми бровями и белой щетиной на загорелом лице. Он засовывает руки в карманы выцветших шорт и улыбается.

«Где ты выходишь?»

«На последней остановке, – говорю я. – У монастыря Ронсесвальес».

Он наклоняется вперед и пожимает мне руку. У него сильная, спокойная хватка.

---

⁹ Простите – *фр.*

«Мы оба паломники. Я Лоик».

«Амит, – говорю я. – Хотя я не думаю, что подхожу под категорию паломника».

Мои слова заставляют его рассмеяться. «Это не так уж и важно. Если ты идешь по Камино, ты паломник».

Автобус замедляет ход, затем останавливается возле какого-то дома. Его стены увиты виноградными лозами, а в сад ведут красные ворота. Один человек выходит, и мы остаемся единственными пассажирами. Автобус снова трогается в путь.

«Как у тебя дела с испанским?» – спрашивает Лоик.

«*Pobre*¹⁰, – говорю я. – Один год в колледже целую вечность назад».

«Еще одна не очень серьезная проблема, – отвечает он. – А что насчет французского?»

«Отсутствует».

Озорная ухмылка. «А вот это, пожалуй, действительно серьезная проблема».

Помимо моей воли у меня вырывается смешок. Он лезет в белую хозяйственную сумку и достает чоризо, *jamón serrano*¹¹, сыр и хлеб, раскладывая их на сиденье. У меня урчит в животе. Он наполняет едой две бумажные тарелки и протягивает одну мне.

«Ешь, – говорит он. – Если только ты не предпочитаешь быть аскетом».

Я благодарю его, а затем спокойно ем. Деревень больше не встречается: на дороге видны только тени деревьев, слегка качаемых ветром. Иногда сквозь деревья я замечаю пастбища с пасущимся скотом, а один раз – поле, усеянное рядами подсолнухов.

Моя мать любит подсолнухи. Я позвонил ей с автовокзала в Барселоне и изложил подкорректированную версию своих планов.

«Я приобрету групповой тур», – сказал я. Так гораздо проще, чем объяснять ей про затею с паломничеством, которую я сам едва понимал.

«Амит, ты ненавидишь групповые туры».

«Всего лишь одна неделя, мам».

Она вздохнула. «Все равно ты сделаешь по-своему. Ты такой же, как я».

Я думаю, что она начинает привыкать к моим выходкам. У нее было достаточно поводов. Показательный пример – в середине первого курса колледжа я позвонил ей:

«Мам, я подумываю о том, чтобы пойти в армию».

Длинная пауза. «Хорошенько подумай прежде».

Два дня спустя еще звонок.

«Мама. Знаешь что? Я записался в армию».

В тех случаях, когда она все-таки жалуется, я напоминаю ей о своей истории необдуманных выходок.

«Я твоя мать, – напоминает она мне в свою очередь. – Беспокоиться – это моя работа».

По словам моей тети, я заставлял свою бедную мать работать сверхурочно.

«Будь осторожен, ладно? – сказала она, когда пришло время вешать трубку. – Обещай мне. И поскорее возвращайся домой».

Я обещал ей первое. Насчет второго я решил помалкивать.

Тень автобуса изгибается дугой над полем, поднимается и опускается на стебли пшеницы, затем деревья снова смыкаются. На мгновение меня охватывает сильное желание сойти на следующей остановке, добежать до ближайшей телефонной будки и позвонить своей девушке. «Это прекрасно, Сью, – хочется сказать ей. – Тебе бы здесь понравилось». Я хочу поделиться тем, что я вижу. Но перспективы того, что разговор пойдет по тому же руслу, что и в прошлый раз, достаточно, чтобы подавить это желание.

---

¹⁰ Слабо – исп.

¹¹ Хамон серрано – исп.

Она не смогла понять, почему я не знал, когда вернусь. Возникший в результате спор был невеселым. Легче просто не звонить.

Автобус проезжает мимо каменного креста высотой около трех футов, который стоит у въезда на посыпанную гравием дорожку. Боковины креста почернели, словно от огня. Лоик похлопывает меня по плечу, протягивая пластиковый стаканчик с красным вином. Пока мы пьем, он рассказывает мне о Камино. Маршрут, по которому мы направляемся, – Камино Франсес, – является самым популярным путем паломничества в Сантьяго-де-Компостела. Но есть и другие: один – в южной Испании, другой – в Португалии. Самое главное, говорит он мне, что множество людей приезжают со всего мира, чтобы совершить этот поход. Нравится мне это или нет, я не буду одинок.

Ко второму стакану вину у меня уже есть краткое представление о его жизни. Он происходит из древнего рода моряков, живших в Бретани. Он был капитаном торгового флота, профессором морских исследований, имеет докторскую степень в области психологии, а теперь расследует несчастные случаи на море для Европейского союза. «Я работаю на Брюссель», – говорит он, печально качая головой всякий раз, когда упоминает ЕС. Он любит Париж, джаз и – больше всего на свете – время, проведенное на своей парусной лодке.

«Я купил лодку у одного английского военно-морского офицера. Он сказал мне, что моряк должен выбирать между лодкой и женой». Он задумчиво улыбается. «Похоже, что я выбрал лодку».

Пока мы пьем по третьему стакану, за окнами проплывает пейзаж, и мы начинаем симпатизировать друг другу. Я перебираюсь к нему на заднее сиденье.

«Ты религиозен?» – спрашивает он.

«Отнюдь».

«Я тоже, – говорит он. – Я слишком стар для таких дел. Но послушай, – он достает из кармана маленькую книжку в мягкой обложке, листает ее большими пальцами и читает вслух. – Когда вы рождаете это в себе, то, что вы имеете, спасет вас. Если вы не имеете этого в себе, то, чего вы не имеете в себе, умертвит вас».

Я позволяю этой мысли впитаться в меня. Если я не имею этого в себе, это умертвит меня?

«Евангелие от Фомы», – говорит он.

«Можешь еще раз прочитать?»

Ни следа усмешки. Только мягкая улыбка. Он читает медленно. После того как он закончил, я некоторое время молчу.

«Я многое повидал в своей жизни, – говорит он. – Я получил немало уроков. Трагедия жизни заключается в том, что ты живешь не так, как считаешь правильным». Он поднимает стакан и говорит небольшой тост: «Вот почему я пройду по Камино. Начало жизни, основанной на усвоении уроков. То, что я имею в себе».

«Красиво, – говорю я. – Правда».

«А ты как попал сюда?»

«Один итальянец сказал мне, что любой, кто пройдет этим путем, найдет себя. И вот я здесь».

Он усмехается, протягивает руку и хлопает меня по плечу.

«*Mon ami*¹², мы станем хорошими друзьями».

Автобус громко переходит на пониженную передачу. Мы поднимаемся на крутой холм, и, когда оказываемся на гребне, появляются шпили и здания монастыря из серого камня. У них скошенные металлические крыши. Позади них холмы становятся выше и переходят в Пиренеи.

---

¹² Мой друг – *фр.*

Водитель подъезжает к самому большому зданию. Лоик выходит через заднюю дверь, и тут раздается удар о борт автобуса, затем скрип. Водитель открывает багажный отсек. Лоик что-то говорит, и водитель смеется. Пиренеи напоминают мне Гималаи за спиной монаха и то, что он сказал. Я выхожу.

Лоик вручает мне мой синий рюкзак Lowe Alpine. «Ты только посмотри! – говорит он, указывая на свой рюкзак. Тот похож на более чистую версию моего собственного. – У нас одинаковые рюкзаки».

«Вроде того, – я надеваю рюкзак и поправляю лямки. – Только мой – подделка».

«Прости, что?»

«Это имитация».

Его темные брови хмурятся, и он выглядит так, словно хочет что-то сказать.

«Мой рюкзак развалился в Индии, – добавляю я. – Перед отъездом я купил этот за небольшие деньги».

Пока он просовывает руки под толстые мягкие лямки, я изучаю его рюкзак с двойной прошитой водонепроницаемой подкладкой. У моего нет подкладки, а лямки тонкие. Я надеюсь, что его хватит на неделю. Лямки уже врезаются мне в плечи, и я не хочу думать о том, каково мне будет после целого дня пути.

Надев рюкзак, я следую за Лоиком через лужайку к дальнему концу здания, где группа мужчин и женщин ждет перед закрытой дверью. У большинства с собой рюкзаки. Остальные держат велосипеды с сумками, перекинутыми через задний багажник.

Нас здесь девятнадцать человек: одиннадцать мужчин и восемь женщин, возрастом от двадцати до шестидесяти лет, все одеты в разноцветные версии Gore-Tex. Все, кроме меня. На мне пуловер из искусственного флиса с надписью «Патагония», который я купил в Индии. Очень дешевый.

Пока Лоик болтает с остальными, я снимаю рюкзак и сажусь на него. Вместо того чтобы присоединяться к разговорам, я довольствуюсь тем, что слушаю и, возможно, так получаю больше информации. Звучит речь на немецком, английском, испанском, португальском, французском и еще на нескольких языках, которые я не могу определить. Однако всеми владеет очевидно одинаковое состояние: возбуждение.

Водитель заводит автобус, медленно разворачивает его и уезжает. Вскоре все стихает, и слышны только разговоры паломников и легкий ветерок в кронах деревьев, растущих по другую сторону дороги. Семь дней пути, а потом домой. К Сью. К полному отсутствию понимания, что делать дальше.

Замок на двери щелкает, и она распаивается изнутри. Выстраивается очередь – я оказываюсь в дальнем конце. Мы пробираемся через дверь, по узкому коридору и в кабинет, неся рюкзаки в руках, как чемоданы. Там за дубовым столом сидит женщина с толстыми руками, с собранными в пучок седыми волосами. Она улыбается и машет нам рукой. Вдоль стен стоят книжные шкафы, а на стене позади нее висит гравюра в рамке с изображением Девы Марии.

Женщина спрашивает имя каждого человека, записывает его в журнал регистраций и штампует буклеты, которые ей протягивают паломники. Ее пальцы все в синих чернильных пятнах.

«Что это?» – спрашиваю я англичанина, стоящего передо мной.

«*Credencial*¹³, – говорит мужчина, – паспорт паломника. Вы должны ставить на нем штамп в приютах».

«Что такое приют?» – спрашиваю я.

Какое-то время он смотрит на меня, чешет ухо.

«Где вы планировали ночевать?»

---

¹³ Удостоверение – исп.

«В молодежных хостелах, каких-нибудь дешевых гостиницах. Возможно, провести несколько ночей в кемпинге».

Очередь движется вперед. Я слышу глухой стук печати о стол. Женщина быстро штамповывает несколько буклетов. Тук-тук-тук.

«В этом нет необходимости, – говорит он. – На Камино есть жилье для паломников. *Refugios*¹⁴. Приюты. Я слышал, некоторые из них довольно неплохи. Они вполне соответствуют представлению о доме с четырьмя стенами и крышей».

«Они дорогие?»

«Нет – если у вас есть *credencial*».

Очередь снова движется. Еще два стука, и англичанин уходит.

Стоя там, ожидая своей очереди, я начинаю чувствовать себя глупо. Я действительно понятия не имел, что меня ждет. Ботинки англичанина – без потертостей, шнурки все еще чистые. Мои выглядят так, словно кто-то протащил их через все канализации Индии. Это помогает мне приободриться. Когда я служил в пехоте, нас не зря называли «ногами». Возможно, я не знаю подробностей этого паломничества, но я умею ходить пешком.

Женщина продает мне *credencial*. Это длинный кусок картона, сложенный в несколько раз, как карта, каждая сторона которого разделена на пустые квадраты. Она наклеивает на первый квадрат изображение Девы Ронсесвальесской, выполненное синими чернилами. Теперь я официальный паломник.

Закончив, она застегивает свою коричневую фуфайку и жестом приглашает нас следовать за ней. Мы выходим за дверь, проходим через каменный двор и оказываемся внутри другого здания. Мы поднимаемся по винтовой лестнице, воздух становится холоднее, рюкзаки царапают узкие стены, ботинки шаркают по каменным ступеням.

Приют находится на третьем этаже. Мы занимаем двухъярусные кровати, и возле единственного душа в ванной комнате возникает очередь. Я хватаю свой дневник, сбегая вниз по лестнице мимо только что прибывших паломников и выхожу на улицу.

Стоит прохладный вечер. Я отжимаюсь на площадке перед входом. Затем, опершись на локти, я провожу руками по сочной траве. Ветерок треплет мои волосы. Лоик присоединяется ко мне, и мы наблюдаем, как садится солнце.

Он хлопывает меня по руке. «Люблю это зрелище».

Я тоже. Где бы ты ни находился, никогда не устанешь от вида закатов.

«А ты молчун, – говорит он. – Скажи мне, кто ты по профессии?»

«По профессии? – задумываюсь я. – Вообще-то, безработный».

«Приятное хобби, ничего не скажешь, – говорит он. – Но во Франции к этому относятся довольно серьезно, уж поверь мне. Здесь все тебе будут сочувствовать и деликатничать с тобой, словно со вдовой на похоронах ее мужа».

Я смеюсь – все еще в приподнятом настроении и навеселе от вина, выпитого во время нашей поездки на автобусе. «В США твои друзья дадут тебе пять, если ты получишь выходное пособие более чем за две недели».

Он пристально, с любопытством смотрит на меня. «Скажи мне, кем ты работал до этого замечательного занятия?»

«Я учился, – говорю я. – Примерно сразу после окончания колледжа я решил, что хочу стать врачом, поэтому я работал неполный рабочий день, посещал все подготовительные курсы и трудился помощником в отделении неотложной помощи».

«Моя бывшая жена была врачом, – говорит он. – Для такой учебы нужна недюжинная самоотдача. Я впечатлен».

---

¹⁴ Приюты – исп.

«Не-а, – говорю я. – Я потерял работу, пока слонялся туда-сюда, и, честно говоря, мне кажется, что я больше не хочу быть врачом».

То, о чем я не упоминаю, и является причиной этому. Мне вполне сносно удается поддерживать разговоры с людьми, даже отвечать на вопросы. Ведь отвечать искренне вовсе не обязательно.

«Возможно, поэтому ты и оказался на Камино».

«Я не знаю. Не то чтобы у меня были веские причины для этого».

Самая широкая улыбка, которую я до сих пор видел на его лице. Он практически светится.

«Хорошо, – громко говорит он. – Хорошо. Сердце не прислушивается к голосу разума. Оно заводит тебя в туман. Никогда не знаешь, упадешь ли ты со скалы, или она расступится, и ты окажешься у открытых ворот в Шангри-Ла».

Но пока следуешь зову своего сердца, ты жив».

Тонкое серое облако закрывает солнце, разрезая его пополам, как отражение в воде. Мы оба замолкаем и наблюдаем, как две половинки медленно исчезают за холмами. Когда я моргаю, то вижу оранжевые пятна там, где раньше было солнце.

Он описывает рукой круг. Затем тихо добавляет: «Не разум привел тебя сюда».

«Это правда», – говорю я.

«Разум оберегает тебя. Но это – это небезопасно».

«О, насколько небезопасно?»

Он отмахивается от меня. «Твое сердце привело тебя сюда. Хотел бы ты знать, куда оно тебя приведет?»

«Очень».

«К волшебству. Это обещание сердца».

Ни одно из этих слов не приходило мне в голову, возможно, никогда. Некоторое время мы оба молчим. Звонят церковные колокола, и этот звук эхом отражается от холмов. Мы наблюдаем, как паломники гуськом входят в часовню. Лоик встает, протягивает руку.

«Я думал, ты не религиозен», – говорю я, позволяя ему помочь мне подняться.

«*Monsieur*¹⁵ Американец, мы совершаем паломничество».

«Справедливое замечание, – я стряхиваю траву со своей куртки. – Когда ты в Риме».

Он усмехается: «Поступай как французы».

Мы сидим на скамье между гигантскими арочными колоннами. Три узких витражных окна над алтарем пропускают слабые отблески угасающего света. Когда колокола затихают, входят монахи в белых одеждах. Они встают вдоль ступеней, ведущих к алтарю, в прямую линию и поют. Это долгое пение, которое становится громче: голоса повышаются, пока оно не заполняет часовню. Сидя на деревянной скамье рядом с подвыпившим французом, потирая руки, чтобы согреться, наблюдая за паломниками вокруг меня – некоторые преклоняют колени, некоторые шевелят губами, а другие, как и я, просто пялятся, – я чувствую себя частью чего-то большего, чем я сам. Кажется, мне это нравится.

Пение заканчивается, и наступает время причастия. Примерно половина паломников, включая Лоика, встают в очередь, и после того, как последний занимает свое место, монахи поднимают руки ладонями вперед. Тот, кто посередине, – лысый, с аккуратно подстриженной белой бородой – жестом подзывает нас поближе. Он ждет, пока мы не соберемся полукругом, затем говорит, пока один человек переводит на английский, другой – на французский.

---

¹⁵ Господин – *фр.*

«Когда вы идете по Камино, – говорит он, – вы следуете по стопам тех, кто пришел и ушел. Они сидели там, где сидите вы. Они стояли там, где стоите вы. Помните о них, и однажды другие вспомнят о вас».

В комнате отдыха женщина, проштамповавшая *credencial*, заметила, что сегодняшняя группа была небольшой. Каждое утро новая группа отправлялась из Ронсесвальеса, в то время как другие начинали поход из разных городов вдоль Камино, некоторые шли даже из Франции или Голландии. Она рассказала нам о мосте в деревне под названием Пуэнте-ла-Рейна, где несколько паломнических маршрутов сходились в один.

Она сказала, что будут моменты, когда каждый из нас окажется в полном одиночестве, когда никого не будет рядом, но будут и моменты, когда нас будут окружать паломники и мы будем всего лишь одними из многих. По тому, как она улыбнулась, говоря это, можно было подумать, что это почти хорошо.

Монах долго молча смотрит на нас, словно выискивая кого-то знакомого. Женщина позади меня кашляет.

«Помолитесь за нас, когда доберетесь до Сантьяго», – наконец говорит он.

Монахи опускают руки, поворачиваются и отступают, свечи отбрасывают тени на стены. Когда часовня пустеет, я открываю свой дневник. В аэропорту Нью-Дели тетя сунула мне в руки маленькую записную книжку в кожаном переплете. «Это тебе, – сказала она, обнимая меня на прощание. – Не теряйся». Она смотрела, как я перелистываю пустые страницы, затем нежно погладила меня по щеке. Сидя в испанской часовне четырнадцатого века, готовясь последовать по стопам давно умерших паломников, я ловлю себя на том, что скучаю по ней.

Может быть, мне следовало ответить на ее вопросы. Он был ее единственным братом. Она имела право знать. Я записываю то, что сказал монах. Привычка, которую я выработал во время путешествий, – погружаться в себя, где бы ты ни был, потому что, возможно, ты никогда не вернешься. Один монах возвращается к алтарю и берет свечу. Он маленький, худощавый и очень старый. Скольких паломников, отправляющихся в Сантьяго, он наблюдал? На мгновение мы встречаемся взглядами, затем он шаркающей походкой направляется к боковому входу и закрывает за собой дверь. Я выхожу.

Вверху появляется несколько звезд, тусклых на темнеющем небе. Низкий туман покрывает холмы. Сейчас время ужина. Я присоединяюсь к Лоику за общим столом в переполненном и шумном ресторане. Грубые каменные стены, бочонки с вином за стойкой бара, свечи на столах, лампы дневного света на потолке и официантка, которая выглядит так, словно за свою жизнь обслужила слишком много паломников, подавая хлеб, салат и жареную форель.

Лоик председательствует за столом, смеется, громко жует, разговаривает с женщинами по-французски, смешивает их. Он шутит с мужчинами и наполняет мой бокал при каждом удобном случае. К тому времени, как мы пьем кофе с пирогом на десерт, на столе уже целая куча пустых винных бутылок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.